

Эмпатия и ирония как основные концепты постмодернистской чувствительности и субъект постмодернизма

*Ирония есть ясное сознание вечной изменчивости, бесконечно
полного хаоса.*

Фридрих Шлегель

Постмодернистская чувствительность представляет собой новый тип мироощущения. Оно выражается, в первую очередь, в плюралистичности и ацентрированности сознания субъекта, который отказался от любых однозначных оценок: бытия, социума, себя. С одной стороны, это может проявляться в неустойчивости и ощущение неуютности мира. С другой стороны, это порождает более спокойное отношение к Иному: оно не воспринимается как нечто чуждое и враждебное, а вызывает скорее желание понять и принять.

Субъект постмодернизма отказывается придавать реальности некий раз и навсегда заданный смысл. Он имеет возможность познать многие смыслы, и выбрать среди них приемлемый для него. Проблема, однако, состоит в том, что выбор, предоставленный человеку, оказывается довольно ограниченным Властью в самом широком смысле, включая государство, культуру, общество, медиа, внутренние убеждения и установки. Человек вполне осознает трудность и ограниченность такого выбора, т.е. свою "свободу-несвободу", в которой соединились эти две противоположности. Человек в такой ситуации теряет ориентацию, не имея возможности выбрать точку опоры: происходит текстуализация субъекта. Она представляет собой закономерный результат превращения реальности в тотальный текст. Парадокс постмодернизма состоит в том, что субъект, с одной стороны, зависит от языка и текста, с другой - именно в них обретает свободу и смысл. Индивид тотально зависим от уже сложившихся дискурсов и языков в своем самоопределении, перед ним стоит выбор между множеством уже сложившихся вариантов описания мира и себя. При этом мир как текст обретает смысл лишь в сознании субъекта. Таким образом, децентрация субъекта постмодернизма проявляется также в множественности его сознания и потере единства.

Одной из ключевых проблем субъекта постмодернизма является его тотальная зависимость: от политических структур, идеологии, языка, собственного тела etc. С точки зрения Ж. Делеза, эта зависимость преодолевается с помощью "шизофренизации". Этот мыслитель высказывает мысль о том, что шизофрения является феноменом культуры, с помощью которого человек может вырваться за пределы навязываемого мира, и обрести, наконец, смысл. Шизофреническое сознание отказывается от приоритета рациональных форм познания, интуиции придается равный с разумом статус. Происходит эстетизация сознания (онтологизация эстетического), проявляющаяся в "поэтическом мышлении", которое в интерпретации М. Бубера понимается как иная культура, душа, в которую надо вчувствоваться и познать ее как со-бытие. Способность человека

вчувствоваться в другого, нести за него ответственность придает бытию человека смысл. Диалог способствует также тому, чтобы человек лучше понимал себя. Человек обретает себя (свое назначение и смысл) через отношение к другому и любовь к миру. Такое понимание возможно лишь в диалоге субъектов, при этом человек уже не считает себя венцом творения. Для постмодернистского сознания мир уже не является объектом исследований или предметом манипуляций. Субъект постмодернизма отказывается от утопических проектов перестройки мира. Вместо этого он пытается вписаться мир, природу, социум, т.е. вступает с миром в конструктивный диалог.

Такое понимание субъекта характерно для т.н. after-постмодернистской концепции. К.-О. Апель, Р. Рорти, М. Готдинер, Э. Левинас производят позитивный поворот и делают попытку конструирования целостного мировоззрения. В рамках этой парадигмы частично снимается радикализм раннего постмодернизма, в котором человек представлял собой децентрированный шизофренический субъект, полностью отказывающийся миру и себе в каком-либо смысле, не имеющих никаких этических и эстетических ориентиров. На наш взгляд, субъект постмодернизма приходит к новому пониманию мира через иронию и эмпатию.

Постмодернизм принципиально несерьезен, и в этом его спасение. Абсурдность и обесмысленность мира, может вызывать две реакции: слезы либо смех. Постмодернизм выбирает смех как активное начало. С одной стороны, по отношению к своему предмету смех деструктивен, с другой, он несет и конструктивную функцию, поскольку уничтожает страх и отчаяние. Ирония и пародия снимают напряжение оппозиций "смысл-абсурд", "истина-ложь". Единственный смысл, который признает постмодернизм - это любовь и понимание. Человек постмодернизма, несмотря на его вечную иронию, уже не "посторонний" в этом мире. Он скорее сочувствующий, ведь человек эпохи постмодернизма не отвергает Иное, не отчуждает себя от мира и Другого. Он стремится "вчувствоваться" в него. Эмпатия - принятие Иного без осуждения - является генеральной чертой постмодернизма. Возможно, в этом мировоззрении нет героики и пафоса, оно все подвергает сомнению, но и не отвергает, осуждая. Любовь по-прежнему остается спасительным началом. Лишь она обладает неким смыслом, при этом неважно, делает она тебя счастливым или несчастным.

В заключение хотелось бы отметить, что в постмодернистском мироощущении жизнь, как и игра, имеет смысл сама по себе, поскольку конечной цели, существующей априори и изначально заданной, нет ни у игры, ни у жизни. Поскольку жизнь бессмысленна, смысл следует искать как раз внутри этой бессмыслицы.